

Глава 17

Целых три минуты в голове Чэн Муюня эхом отдавались слова Цинь Ли: «Мы всегда будем вместе, всегда вместе».

Для Муюня эта фраза переводилась однозначно: «сюжет рухнул». А если копнуть глубже, то и вовсе: «застрял в мире наказания в роли подлизы ещё на долгие-долгие годы».

Юноша опустил голову, глядя на свои слегка подрагивающие пальцы. Взгляд его остекленел.

«Система, каковы шансы, что если я сейчасогрею Цинь Ли настольной лампой, у него случится амнезия?»

«А ну остынь! — всполошилась Система. — С чего ты взял, что память отшибёт именно так, как тебе надо? Ты что, в дешёвой мыльной опере?»

«А разве это не низкосортный роман? Согласно законам жанра, любая травма головы неизбежно приводит к потере памяти без каких-либо побочных эффектов».

Система едва не вышла из строя, всерьёз опасаясь, что Муюнь сорвётся и действительно приложит Цинь Ли чем-нибудь тяжёлым.

«Успокойся, молю тебя, успокойся! Шкала прогресса не упала!»

Эти слова подействовали на впавшего в ступор Муюня как ушат холодной воды.

Он поднял глаза на Цинь Ли и, мягко высвободив ладони, медленно провёл пальцами по его лицу: от резко очерченных бровей к прямой переносице и чуть тонким губам.

«Система, почему ты не предупредила меня об этом раньше?»

Внешне юноша разыгрывал трогательную сцену нежности, но в сознании вёл напряжённый диалог.

«Я... ну... на самом деле я просто хотела, чтобы ты был осмотрительнее в будущем, — Система буквально дрожала от его ледяного тона. — Давай ты больше не будешь затаскивать Цинь Ли в постель...»

«Ха, — Муюнь мысленно усмехнулся с полным безразличием. — Переспали и переспали, это не имеет значения».

Видя, что ассистент долго молчит, Цинь Ли накрыл его ладонь своей.

— Возвращайся домой, хорошо?

Чэн Муюнь ещё несколько секунд пристально смотрел на него, а затем притянул к себе и запечатлел на губах мужчины короткий поцелуй.

— Хорошо.

Лишь тогда напряжённые плечи Цинь Ли немного расслабились. Его взгляд потемнел, а ладонь скользнула по талии Муюня вверх.

Намёк был более чем прозрачным.

Юноша, как и всегда, не стал возражать. Перед ним был редкий красавец, а удовольствие — вещь приятная и ни к чему не обязывающая.

Рука мужчины легла на воротник Муюня, принимаясь расстёгивать пуговицу за пуговицей.

Муюнь проследил взглядом за его лицом: от чётко очерченного подбородка к кадыку и, наконец, к рукам.

Он уставился на манжету Цинь Ли, и его брови недовольно сошлись на переносице. Юноша резко отстранил мужчину.

— Твои запонки. Сочетание цветов никуда не годится, они конфликтуют с тоном рубашки.

— ... — Цинь Ли лишь беспомощно вздохнул. — Тебя не было дома несколько дней, а я в этих вещах ничего не смыслю.

Муюнь отступил на шаг, критически оглядел собеседника и вынес вердикт:

— Иди в душ и смени всё это.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и скрылся в гардеробной.

Цинь Ли, уже привыкший к подобным заскокам Муюня, лишь покачал головой с усмешкой и направился в ванную.

В гардеробной Чэн Муюнь неспешно перебирал одежду. Разделавшись с вопросом о

сохранении сюжета, он снова с головой ушёл в заботы о внешнем виде своего подопечного.

Система наконец не выдержала:

«Ты совсем с катушек съехал? С таким трудом съехал из этого дома, уже почти дотянул до расставания! И что в итоге? Так просто согласился вернуться?»

Муюнь снял с вешалки рубашку, отступил на пару шагов и, прищурившись, принялся её изучать.

«Образ», — небрежно бросил он.

«Какой ещё Образ?» — не поняла Система.

Муюнь не стал отвечать прямо:

«Судя по результатам, Образ персонажа гораздо важнее буквального следования сюжету. Мы уже несколько раз отклонялись от ключевых сцен, но шкала прогресса не только не упала, но даже ощутимо подросла. Я пришёл к выводу, что из-за коллапса мировых линий строгое соответствие сценарию в принципе невозможно».

Система слушала, раскрыв рот, и вынуждена была признать его правоту. В конце концов, шкала действительно была в порядке.

«И что дальше? Ты не собираешься бросать его?»

«Быть брошенным — обязательный пункт, — отрезал Муюнь. — В финале Цинь Ли должен остаться с Сун Цзинчэнем, а мой персонаж — уйти ни с чем. Основные критерии восстановления мира неизменны, а вот путь к ним может варьироваться в рамках заданного Образа».

Интеллект Системы явно не справлялся с такими логическими построениями.

«Что значит "варьироваться"?»

«Проще говоря: не ломай Образ героя, а сюжет подстроится, — Муюнь внезапно язвительно усмехнулся. — Кто такой "Чэн Муюнь" в этом сценарии? Разве не преданная, униженная "запаска"? Как ты думаешь, если Цинь Ли сам пришёл просить мира, разве такой человек найдёт в себе силы отказать?»

«Где же ты тут преданный...»

«Просто я не афиширую это слишком явно. Я знаю, что делаю».

В программном коде Системы внезапно зародилось смутное беспокойство. Ей казалось, что грядёт нечто непредвиденное, но с точки зрения логики доводы Муюня были безупречны. Ей оставалось лишь замолчать и ещё пристальнее следить за показателями прогресса.

***

Следующий день выпал на выходной. Цинь Ли спал на редкость крепко и проснулся лишь тогда, когда солнце уже всю заливало комнату светом.

Он открыл глаза и привычно потянулся к другой половине кровати, но нащупал лишь холодную простыню.

Чэн Муюнь уже встал.

Мужчина сел, потирая переносицу. Одежда соскользнула, обнажая плечи, покрытые багровыми следами от ногтей. Не обращая на них внимания, он натянул домашние брюки и подошёл к окну, чтобы раздвинуть шторы.

Яркий свет ударил в глаза. Цинь Ли прищурился, и прежде чем зрение окончательно сфокусировалось, до его слуха донёсся шум из сада.

Там явно кто-то... переезжал?

Чэн Муюнь стоял посреди сада, руководя грузчиками. Рабочие упаковывали разобранную мебель и сверяли её со списком.

В этот момент юноша заметил, как распахнулось панорамное окно на третьем этаже и на балкон вышел Цинь Ли.

Муюнь прищурился, любуясь представшей перед ним картиной «пробуждения прекрасного принца».

«Кстати, я не прогадал, выбрав звукоизолирующие стёкла. Мы тут возимся всё утро, а он и ухом не повел».

«Думаю, дело скорее в том, что ты его вчера вконец вымотал», — меланхолично вставила Система.

«...Ты что, сомневаешься в выносливости главных героев подобных романов?»

Система хотела было отплатить ему за то, что вчера ей пришлось всю ночь созерцать сплошную цензуру, но Муюнь даже не повёл бровью, мгновенно поставив её на место.

Он говорил чистую правду. За те дни, что ассистент провёл в отпуске, на плечи Цинь Ли свалился двойной объём работы. При такой нагрузке выдержать ночной марафон — задача для человека с поистине недюжинным здоровьем.

Муюнь коротко кивнул собеседнику и с невозмутимым видом продолжил отдавать указания грузчикам. Даже с вещами своего «соперника» он обходился на редкость учтиво, следя, чтобы ничего не повредили.

Спустя пару минут Цинь Ли спустился в сад.

— Муюнь, что здесь происходит?

Ассистент обернулся и мягко пояснил:

— Господин Сун упоминал, что не привык пользоваться чужими вещами. Раз уж он перебрался к директору Юю, логично будет отправить мебель вслед за ним.

Всё было обставлено безупречно: логично, колко и с явным привкусом «права фаворита».

Чэн Муюнь придерживался выбранной тактики: вести себя как капризный, уверенный в своей власти любовник. Это должно было заставить мужчину осознать свои истинные чувства, не выбиваясь при этом из рамок логичного развития персонажа.

Мебель в этом доме имела для Цинь Ли особое значение. Он был человеком консервативным, а ранняя смерть родителей заставляла его особенно дорожить вещами, связанными с прошлым.

Проще говоря, Муюнь сейчас нагло приплясывал на его «болевых точках».

Цинь Ли действительно замер, пристально глядя на Муюня. Он не проронил ни слова, лишь подошёл ближе к грузчикам, и в его взгляде промелькнула тень ностальгии.

Юноша замер в ожидании: вот сейчас последует вспышка гнева, его выставят вон, и они наконец расстанутся.

Но вместо этого он услышал лишь:

— Пожалуйста, осторожнее с этим. Спасибо.

«???»

В голове у Муюня зароились вопросы. Он даже заподозрил, что в Цинь Ли тоже кто-то вселился — это поведение совершенно не соответствовало Образу. Юноша почувствовал, как начинает болеть голова: сцена с расставанием казалась всё более призрачной.

И в этот самый миг на горизонте показалась подмога.

К воротам сада подкатил автомобиль Юй Шаонина.

Сун Цзинчэнь покинул пассажирское сиденье и, увидев царившую в саду суету, поспешил к дому с явным беспокойством на лице.

Муюнь втайне возликовал. Его «союзники» явились как нельзя вовремя.

Разумеется, они пришли не просто так.

Муюнь ещё утром начал хлопотать о вывозе вещей, и первая партия малогабаритной мебели уже прибыла по назначению.

Директор Юй прислал ему сообщение с вопросом, что это за фокусы. Муюнь ответил прямо: это чтобы «подстегнуть» Цинь Ли.

Он и подумать не мог, что его слова, призванные лишь утихомирить Шаонина и не дать ему пустить в ход компрометирующие фото, будут истолкованы как часть великой и трагичной жертвы во имя любви.

Цзинчэнь бросился напрямик к Цинь Ли, а Юй Шаонин направился к Муюню.

— Ты как? — вполголоса спросил он.

Муюнь, уже примерно понимая ход мыслей директора, коротко бросил:

— Всё в порядке.

Цинь Ли же обернулся к Шаонину, недовольно нахмурившись:

— А ты что здесь забыл?

Юй Шаонин, застигнутый врасплох этим вопросом, почему-то смутился:

— Ты... с чего ты вдруг решил завалить мой дом этим хламом? У меня нет лишнего места! Даже если вы с Цзинчэнем повздорили, это не повод превращать мою квартиру в склад!

— ... — Сун Цзинчэнь, собиравшийся что-то сказать, так и замер с открытым ртом. Его лицо залила краска смущения.

«Система, — мысленно проговорил Муюнь, — этот бедолага Шаонин... Неудивительно, что в оригинальном сценарии ему была отведена роль преданного... хотя нет, скорее, просто нелепого пушечного мяса».

«По-моему, он так поглупел исключительно под твоим влиянием», — заметила Система.

Муюнь не почувствовал ни капли раскаяния:

«Он шантажировал меня фотографиями, я вожу его за нос. Честный обмен, всё справедливо».

Похоже, слова Шаонина задела и Цинь Ли. Он сделал шаг вперёд, собственническим жестом притянул Муюня к себе и обнял его за талию.

— Мы с Муюнем решили начать всё с чистого листа. Цзинчэню было бы не совсем удобно оставаться здесь, поэтому он переехал к тебе. Насколько я помню, когда он только вернулся, ты сам приглашал его пожить у себя? Считаю, что твоё желание исполнилось.

Муюнь даже не успел опомниться, как оказался в объятиях мужчины. Услышав эту тираду, он в полном шоке воззрился на Цинь Ли.

Неужели это тот самый сухарь-технар, который и двух слов о чувствах связать не мог? Откуда в нём взялась эта способность так изощрённо язвить? Впрочем, сцена «семейного скандала» перед ним разыгрывалась какая-то неправильная.

Юноша застыл, переводя взгляд с растерянного, покинутого всеми Сун Цзинчэня на взбешённого, как задиристый петух, Юй Шаонина.

— Цинь Ли, не перегибай палку! — взорвался Шаонин. — Когда Цзинчэнь въезжал, ты не возражал. А теперь идёшь на попятную и сплавляешь мебель? Что это за отношение?!

Ли не стал уточнять, что инициатива с мебелью принадлежала ассистенту. Вместо этого он лишь крепче сжал ладонь на талии юноши, не давая тому ускользнуть из эпицентра конфликта.

— Эти вещи принадлежат Цзинчэню. Раз он живёт у тебя, то и мебель должна вернуться к владельцу.

Словесная перепалка, напоминая ссору школьников, наполнила утренний сад небывалым шумом.

Сун Цзинчэнь, оказавшийся совершенно лишним в этой сцене, в полнейшем замешательстве замер у входа. В конце концов ему ничего не оставалось, кроме как отправиться к грузчикам — присматривать за тем, чтобы они не повредили его любимое пианино.

Муюнь перестал сопротивляться. В глазах у него потемнело, и он изнеможённо спросил:

«Система, что там со шкалой...»

Избавление от мебели Цзинчэня не только не задело Цинь Ли, но и привело к тому, что шкала прогресса упала на 1%.

Убыток был мизерным, но Муюнь насторожился. Он решил пока воздержаться от самостоятельности и дождаться следующего сценарного поворота.

И хотя эпизод с расставанием безнадёжно отклонился от курса, впереди их ждала критическая точка.

То самое событие, без которого не обходится ни один «стекольный» роман: автокатастрофа и мучительный выбор — кого спасти? Чэн Муюнь был уверен: оказавшись на грани жизни и смерти, Цинь Ли наконец осознает, кто ему по-настоящему дорог.

Дурман, навеянный «заменой», рассеется, и «белый лунный свет» снова станет его единственным ориентиром.

<http://bllate.org/book/15360/1417487>